

Михаил Сопин

Десять лет как день

Беседа с Татьяной Петровной Сопиной - вдовой поэта

- Татьяна Петровна! Я знаю, что вы многое делаете для того, чтобы творчество Михаила Николаевича осталось с нами, было понято. Кратко - что удалось сделать?

- Главное - разобраны его рукописи. Их было очень, очень много, буквально завален дом. Прибавьте неразборчивый почерк (если не на машинке!). Составлено более 50 самодельных сборников в компьютерном исполнении; рукописи, к сожалению, сохранить нет возможности. Лет пять назад я обнаружила в общем подвале нашей пятиэтажки ещё мешок рукописей, привезённых из Перми четверть века назад. Сын принёс их в квартиру, я разобрала. В основном это начало творчества, пути поиска, но и там оказалось немало удивительных находок. И надо же - буквально через пару месяцев коммунальщики стали чистить подвал и содержимое частных сараев без замков (наша принадлежала к таким) выбросили на помойку!

Ныне стихи М. Н. Сопина и публикации об нём появились, не считая Вологодской области, в Москве, Архангельске, Белгороде, Харькове, Екатеринбурге, Перми, Воронеже, Казани, Запорожье, США, Лондоне, Израиле, на различных сайтах в Интернете.

Особо подчеркну, что моей инициативы в посмертных публикациях в «бумажном исполнении» нет. Спрашивали - разрешала. Имя находили в Интернете. Нередко после этого завязывалась тёплая переписка.

- Но вы не только переписывались - общались. Расскажите о поездках минувшего года.

- Это был, пожалуй, самый памятный и насыщенный для меня год. В феврале 2013 года я решила посетить места заключения Михаила Николаевича: Пермский край, Чердынский район, лагерный посёлок Глубинное. Когда-то я спрашивала мужа: «А ты хотел бы побывать там?» - «Очень!» Не получилось. Остались стихи, написанные через 12 лет после освобождения:

*Нелюбимое прежде,
Сегодня так нежно любимое
Государство далёкое,
Чёрных лесов окоём.
Где-то вжался
В уральскую осень
Посёлок Глубинное.
А на трапах
И стенах
Живёт отраженье моё.*

Моя поездка в Чердынь оказалась на редкость удачной. Меня сопровождала бывшая коллега по газете «Молодая гвардия», ныне журналистка и преподаватель Пермского госуниверситета Татьяна Черепанова. Мы жили у замечательной женщины, как её здесь называют, «фрау Меркель из Чердыни». Мария Ильинич-

Татьяна Сопина

на - из семьи бывших спецпереселенцев Поволжья. Её неумная энергия, истинно немецкое трудолюбие и широта русской души рождали мысли о том, как могло бы расцвести государство, сберегая такой генофонд.

Нас тепло встречали и в Чердыни, и в небольшом городке Ныробе, где когда-то Борисом Годуновым был брошен в яму и уничтожен дядя первого русского царя - Михаил Никитич Романов. Мы побывали в миниатюрном, но уникальном Центре Дома Романовых, экспонаты которого в основном изготовили нынешние заключённые: среди них оказалось немало ценных специалистов. Им объяснили, что Михаил Романов - такой же, как они, узник, надо постараться.

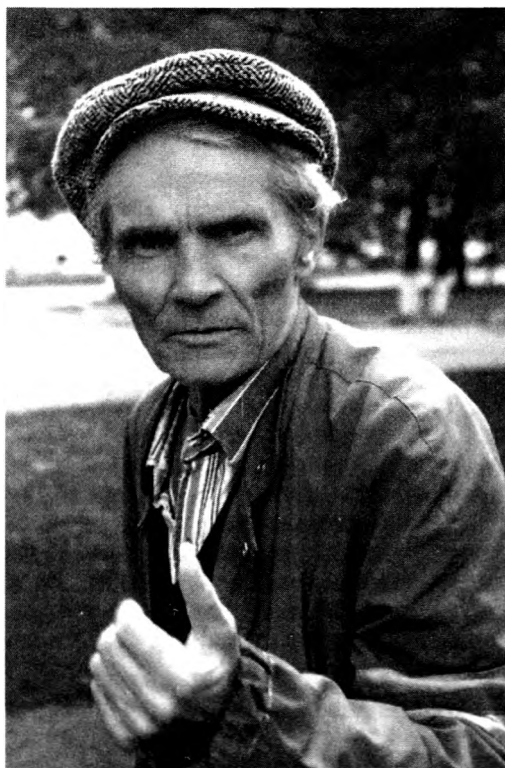
Состоялись встречи, посвящённые Михаилу Сопину, - в библиотеке, в школе. Среди публики, в частности, оказались родственники бывших служащих конвоя. Они живо уточняли, где именно сидел поэт... Пункты не совпали, но общение получилось взаимно заинтересованным.

А вот в Глубинное добраться не удалось. Такого посёлка-колонии давно нет. Два года назад был закрыт узловой лагерьный пункт Чепец. Помню, в середине прошлого века я летела над этими местами, и под крылом самолёта то и дело проплывали ограждённые вышками и колючей проволокой зоны. Теперь сажать некого, лес вывозить невыгодно, дорог нет. Это рождает своеобразную проблему, о которой не пишут: без работы остаются значительные кадры сотрудников МВД, лишаются насиженных мест семьи с квартирами-огородами, школами-магазинами... Новые предложения не всегда устраивают. Думаю, это проблема не только Пермского края.

- Это в феврале. А потом?

- Потом был Белгород. С этим регионом у нас отношения особые, ведь здесь, в селе Ломное Белгородской области, Михаил родился, здесь - истоки творчества.

С семьями Березовских и Беляевых, обнаруживших и страстно интересовавшихся судьбой и творчеством земляка, мы общаемся в Сети уже много лет. В семье

Михаил Сопин

Беляевых стихами Сопина заинтересовалась семиклассница Алина. Вместе с мамой они посетили места боёв, побывали и в Вологде... Под руководством педагогов Алина написала несколько научных работ, высоко оценённых на всероссийском уровне.

А в прошлом году мы встретились с Беляевыми в Белгороде, Алина кончала десятый класс. Они хорошо подготовились, организовали встречи с местными деятелями культуры и истории. Состоялись встречи в Литературном музее и литературном клубе, в Фонде культуры, на местном радио. В диораме «Огненная дуга» нам подарили роскошное издание Фонда регионального развития «Земля Белгородская в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945», где на стр. 82 опубликованы стихи Михаила Сопина.

Но самыми памятными были встречи в селе Ломном Грайворонского района. Нас встретили местные жители в... нацио-

нальных костюмах и с казацкими песнями, подвели к дому Сопиных - на уторе можно было разглядеть его стены.

«... Где дом мой лучистый, в двенадцать окошек?..»

В тридцать втором семья Сопиных бежала от голода в Харьков. Полтора военных года маленький Миша пережил в Ломном у бабушки вместе с сестрой и младшим братишкой, который умер у него на руках. Сюда же четырнадцатилетний Миша вернулся из Германии в сорок пятом, работал в колхозе. Позднее Сопины окончательно перебрались в Харьков, а дом был отдан за мешок зерна: обычная в те голодные годы цена недвижимости.

Поразило, что бесхозное в течение десятилетий строение таки сохранилось, хотя близко рассмотреть его мы не смогли. Ограничивало время и буйно разросшаяся растительность, в которой - нас предупреждали - сейчас много клещей.

От дома вниз крутая тропинка ведёт в овраг, на дне его - колодец Ломный (по преданию, там некогда была чистейшая холодная вода, от которой ломило зубы). От колодца - название села. А чуть дальше, по ту сторону оврага - уже Украина. Границы точно никто никогда не мерил. Только бесконечная роскошная даль лесостепи, пение птиц...

В туристическом центре Грайворонского района к нам в машину подсел турунструктор и... почти повёл экскурсию - стал показывать места, отражённые в стихах Сопина, едва ли не наизусть цитируя доклад генерала И. Н. Руссиянова, который здесь с боями выходил в Головчанский лес из окружения в сорок первом. В те минуты мы буквально проживали это время... Обычно у нас не любят вспоминать об отступлении сорок первого. Беляевы искали на Белгородчине могилы и памятные знаки тех солдат и... не нашли ни одного. Как будто военная история начинается с сорок третьего! А ведь, по словам Сопина, «без сорок первого не было бы сорок пятого». Так хочется верить, что историческая справедливость будет восстановлена! И «за сто шагов до

поворота», где «далёкой осенью пехота с землёй смешалась на бегу», люди будут останавливаться у обелиска памяти безымянных солдат, вспоминая строки поэта.

- Давайте проследим ваше путешествие весны-2013 дальше.

- Дальше была Украина. Мишины родственники и сейчас проживают в Харькове, я провела у них пять замечательных дней. Ну а потом... захотелось в Крым. Оказаться так близко от Чёрного моря и не искупаться в нём - это нонсенс.

В конце мая в Судак курортный сезон ещё не начался, везде было чисто, ласково и красиво. Город был «завален» клубникой: года два назад местные предприниматели взяли в аренду землю, и вот клубника дала первый урожай. Цена на ягоду упала сразу в полтора раза.

Улицы курорта заполняли толпы «пёстрых национальностей», а говор - везде русский. Вместо примелькавшихся у нас ресторанов и «бистро» ностальгически ласкали взор вывески: «Столовая», «Закусочная». Я жила в татарской семье; между собой хозяева общались на своём языке, а с жильцами - по-русски. Частный сектор контролируем по-советски. Перед началом летнего сезона проверяется состояние предлагаемых квартир и на сессии городского совета устанавливаются твёрдые цены на жильё разного уровня.

Но главный мой путь на Украине лежал в Запорожье.

Три года назад ко мне впервые обратилась учительница украинского и русского языка и литературы Татьяна Микитенко. Она просила разрешения опубликовать в частном украинско-русском журнале «Махаон», редактором которого является, стихи Михаила Сопина и главы из его биографии. Через год готовился номер, посвящённый Великой Отечественной войне: за первой публикацией последовала вторая. И вот мы вместе с Микитенко на очередной презентации «Махаона» в местной библиотеке. Звучат воспоминания участников войны, стихи на украинском и русском языках. Выступаю и я - слушаю тепло и внимательно.

...А через год я получу из Запорожья письмо. Оно начинается стихами Сопина, написанными в лагере в 1968 году:

Тревожно.
Ветер зол, летуч,
Свистит,
До теней всё объемя.
И лунный глаз
Сквозь веки туч
Глядит задумчиво на землю.
Предвестьем смуты
Снег кружит
И прочь несёт в ночные дали,
Как будто где-то мятежи,
Каких ещё и не видали.
Тревога. Ночь.
Вьюжит в степи.
Бурану ль быть,
Чему другому?
Душа натянута,
Как нить,
И сердце пьёт кровавый гомон.

«Татьяна Петровна, - пишет украинская учительница, - как потрясающе точно, прозорливо это стихотворение незабвен-

ного Михаила Николаевича отражает нынешнюю до предела напряжённую ситуацию... Вчера прочла его Саше - он так впечатлился! (Саша, муж Татьяны, служит в милиции - Т. С.).

В душе настолько тревожно, что не знаю, куда себя «применить». До тошноты противно осознавать чудовищное положение, что сейчас в Украине сложилось. Будет ли мир?..».

Со дня ухода Михаила Николаевича Сопина прошло десять лет. Но мне кажется, что видел его вчера, слышу его голос:
«Да, были мы, были
Блуждающей горсточкой мыслящей пыли...» -
кто из нас не хотел бы сказать этими словами о себе?
«Бурлит страна на вираже.
В огне свободы - жесты, лица.
И от истории уже
Не скрыться и не оттолкнуться...»
Читаю строки поэта и думаю
о многострадальной Украине,
второй родине Михаила Николаевича.

Михаил СОПИН

От крещенья - русский крест (Из подвала)

* * *

Отзовись,
Я прошу тебя,
Детство!
Крик разбился.
Пропал. Не помог.
Чем сильнее
Пытаюсь взглянуться,
Тем чернильнее
Заливь дорог.
Что ты ищешь там,
Память,
Незряче?
Подскажи ты ей,
Сердце,

Скажи,
Не найди -
Это вовсе не значит
Сочинить себе
Новую жизнь.
Сколько было
Испито
И спето
С сумасшедшей
Судьбою на спор!
Сколько было огня -
Столько света,
Что душа,
Как ожог,
До сих пор.

О чём я думаю,
О чём?
Что вот сейчас,
Ломая тени,
Ракета вырвется свечой
И грохнет взорванная темень!
И в крик мятущихся людей,
И в рёв пылающего зверя
Окаменело мне глядеть,
Иной реальности не веря.
Туда, в пороховую ярь,
Через поля и буераки
Уходит молодость моя
С душой,
Намотанной на траки.
Я не оправился от ран.
И нету места мне в грядущем.
Ищу среди ветров и трав
Непохороненную душу.

Ой, по полю, по балкам, по спускам
Ходит память и плачет по-русски.
Ходит память землёю горящей,
Долю во поле ищет незряче.

Не тужи, не ходи круг за кругом,
Не зови убиенного друга -
Стало поле полынью-травой,
Стала девица чёрной вдовою.

Где ты, долюшка, где ты, какая?
Ходят дети, отцов окликая.
Ходит дождик по ярови синей,
По России, по всей по России.

А мне нельзя
Метелью быстрою
По онемевшей голуби.
Я в мир пришёл,
Чтоб песню выстрадать
И право - Родину любить,
Весёлую и невесёлую,
Её пршот и неуют,
С дымками
Над косыми сёлами,

Что грели молодость мою,
В снегах хороненную заживо
И выгоравшую дотла,
Седую, пухлую, блиндажную -
Какой ты только не была!
Беззвучная, глухая, ватная
Великозимная нудьга...
Текут снега голубоватые,
Текут беспamięтно снега.
Оплаканная и воспетая,
Прими души моей поклон,
Россия, полевая, светлая,
За жизнь
И память о былом.

НЕ ОДНА ЛИ ДОРОЖКА ВО ПОЛЕ...

Лесовые,
Заречные веси!
Принимаю, земля,
Что дано.
Не замёрзшею иволгой песня
Пусть звенит для тебя
Для одной.
По неволе
И вольности бегал.
Пропадал
У лешачьих хором,
Чтоб картошку достать
Из-под снега
Корневых,
Родовых хуторов.
Не одна ли дорожка во поле...
Да и ту промело добела.
И не надо
Ни доли, ни воли,
Кроме этой,
Что Русь мне дала.

НИЧЕЙНОГО - НЕТ

Неизбежно идут
За земными -
Душевные раны.
Есть ничейные судьбы
Тогда,
Когда сам ты ничей.
Обо все́ми и всегда
Говорил я с Россией на равных,

Постигая душой,
Что не будет
И нет мелочей.

За пожарами - засухи.
Через холеру - да в войны.
Ураганные
Ахали ветры
Под дрожь парусов!
Ты глядела мне в душу,
Говоря:
«Не рывками, спокойно...»,
Понимая прекрасно,
Что весь я рывок и бросок.

От прямых попаданий
Разносило судьбу,
Словно терем.
Человеческих душ
Маковели степями цветы.
Через жгучие,
Тяжкие
Невероятно потери
Открывал я в лице твоём
Таинства новых святынь.

УХОДЯТ В МУЗЕЙ ВЕТРЯКИ

Не горько,
Что память
Уходит в музей ветряками.
Мне душу тревожит
Поспешная смена святынь.
Как страшно -
Прожить,
От былого в себе отрекаясь!
Прошло - и конец.
Подорвать под собою мосты.
Есть горькие зёрна,
Рассеянные во вчерашнем.
И всё-таки,
Встав над быльём,
Как на белой горе,
Я вижу - в поля
Пролилась полосой моя пашня
Под розовым светом
Стригущих простор снегурей.

ТВОЁ - В ТЕБЕ

Дождь косой.
Трава кривая.

Дальний
В поле хуторок
Дымом отчим
Согревает
Во глуби
Родных дорог.
Сколько веры!
Сколько воли!
И летит
Через века
Русь,
Рассеянная в поле,
В куполах
И ветряках.
Дождь прошёл.
За хмарью лёгкой -
Это нам,
Гляди, гляди -
Светит во поле
Далёком
Русский
Месяц-молодик.

ЛУННОЕ

Лунный вечер.
Безучастный ветер.
Так светло,
Но не сойтись двоим.
На дорогах лунного столетья -
Призрачность попутчиков моих.
Может, сам я
В невидимке-шапке?
Здравствуйте!
Я две руки подам.
Но пройдут, пошатываясь, шатко,
Не земной тропой по городам.
Побегу по серебристым сёлам,
Запою в серебряной глуши -
Безответно, тихо, невесомо
Возвратится музыка души.

Как быстро время пролетело,
Страницы будней вороша!
- Остерегись! - диктует тело.
- Шагай вперёд! - зовёт душа.
Но предок на дороге млечной
Глядит тревожно, свысока,

1980.

С каким восторгом мы увечим
Накопленное за века.

ПОШЛИ МНЕ, ГОСПОДИ

Когда на полке
Хлеба нет
И нет в душе
Тревожных истин,
Пошли мне, Господи,
Монет -
В ладони
Липовые листья.
Когда от жажды
Жжёт в груди,
А вместо песен
Грай вороний,
Пошли мне во поле
Дожди
Вдали от взглядов
Посторонних.
В мои запястья
И стопу
Вонзи гвоздей
Калёных веру.
Есть трудный
И полегче путь -
Из них
Предпочитаю первый.
Оставь мне сердце
В доброте,
Чтоб мог прощаться
И встречаться.
А что касается потерь -
Без них
Я был бы слеп от счастья.

Тянет к югу косяк журавлей.
Ветер гонит туманное курево.
...Что жалеть? Ты меня не жалеи
И печалью бровей не охмуривай.
Расскажи мне такое твоё -
Пока сеют дождливые замуты,
Что в душе зазвенит, запоёт,
Закружит и останется в памяти.
Почему у тебя, например,
В переносе - веснушек порошины,
А глаза - как пруды среди верб
С берегами, травую поросшими?
И зачем ты за нас за двоих

Нынче плачешь до горестной доними?
Дай я слёзы сцелую твои,
Что в ресничках дрожат
Под ладонями.

* * *

Обратаю
В поле вьюгу!
Свистну,
Стиснув стремя!
Разбуди, моя подруга,
Глухомань по сторонам!
Чтоб взрывалось
Тяжелее
Пламя в северных глазах -
Потеряем, не жалея,
Что отверстано назад.
Пыль - потери.
Дым - открытья.
Гололедье поперёк.
Лихо
Вкованы копытья
В хмель
Раскованных дорог.

* * *

Снегами прибьёт лебеду.
И следом,
По ярови синей,
Я тихо
В Россию войду
И молча пройду по России.
Поднимется к небу душа
И стихнет,
Вселенной послушна.
Не надо меня утешать.
Прошу, утешений не нужно.
Вослед ураганной зиме,
Сквозь белые,
Беглые глыбы,
Пошлите мне
Тайну улыбок,
Чего я в судьбе не имел.
Мне каждую осень, клубясь,
Летать над равнинною синью.
Не мы открываем себя,
Но мы
Продолжаем Россию.